

УДК 341.24

Клятва, договор, шертвование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар¹**Давлетшин Г.М.**

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и культуры тюркских народов
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются разнородные источники, где описываются ритуалы принятия межгосударственных (Китай, Московская Русь) соглашений у тюрко-татар в форме клятвы, мудрого изречения, магических действий. Автор приходит к выводу, что они существовали почти неизменно в длительное историческое время, начиная с хуннов-гуннов до постзолотордынских государств включительно. Тем самым договаривавшиеся стороны пытались достичь действенности и долговременности принятых межгосударственных соглашений.

Ключевые слова: клятва, земля, соглашение, договор, рус, болгар, посуда.

Установление межгосударственных отношений в форме клятвы, мудрого изречения известно в тюркской истории еще у хуннов. Например, в соглашении между государством Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и Домом Хунну имеется примечание: «Небо будет наказывать сторону, нарушившую соглашение, в течение нескольких поколений» [1, т. 1, с. 92].

Международные отношения и, в первую очередь, дипломатия также требовали грамотности людей, ведущих эти дела. Нам известен ряд мирных договоров, заключенных между Волжской Болгарией и Русью. Несомненно, они выполнялись и на болгарском, и на русском языках, так как исходили из интересов обеих сторон. Об этом говорит и наличие в русско-болгарском договоре 985 года болгарского изречения. Как пишут русские летописи, в 985 г. заключен был мирный договор между Владимиром и болгарями: «И сотвори мир Володимир со болгары, и роте заходиша межю собое. И реша болгаре: “Толи не будет межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть”» [2, т. 1, с. 84]. Здесь изречение стало своего рода «печатью», закрепляющей заключенный между государствами договор. Эта же изречение бывало у казанских татар как средство подкрепления своего слова и дела: «Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вэгъдэ шунда бозылыр» (Когда камень всплывет на поверхность, а хмель станет тонуть, это соглашение лишь тогда будет нарушено) [3, т. 3, с. 780]. Но хмель

никогда в воде не тонет, а камень никогда в воде не плавает, т.е. этот договор был рассчитан на вечные времена... Примечательно, что мотив о тонущем в воде камне имеется в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» [4, с. 76].

На дошедших до наших дней древнерусских миниатюрах есть сюжеты с изображением сцены клятвы татарских послов в Москве [5]. На них отчетливо видны три атрибута: две или три пары сабель, кубки с каким-либо напитком и задерненный кусок земли. Возможно, такие обязательные атрибуты клятвы являются общими для всех татар, потому что на миниатюрах, изображающих послов из Крыма, видны те же атрибуты. Как бы то ни было, использование именно этих предметов во время заключения клятвенного договора знакомо тюркским народам еще со времен хуннов. Гунны и древние тюрки до уровня культа довели и свою любовь к родной стране, к своей земле. Эта любовь была такой сильной, что даже имела своего самостоятельного бога [6, с. 37]. Это был бог среднего слоя мироздания, наземный бог Удук Йир-Суб (бог Земли-Воды). «Земля-Вода» – синоним

¹ Термин «тюрко-татары», как обобщенное название всех тюркских народов, вошел в обиход еще в XIX – начале XX вв. В последнее время он активно используется некоторыми лингвистами и историками, по-разному толкующими его лексическое содержание. Мы под этим термином условно подразумеваем тюркоязычное население Евразии от древнетюркского периода до образования татарской народности.

Родины. Культ Земли-Воды связан с поклонением горам, рекам, озерам. Это – «экологический» бог.

В древнетюркских писаниях свои родные места тюрки с гордостью называют «тюркские земли-воды». Византийский историк Феофилакт Симоката писал о тюрках: «Они воспевают свою землю» [7, с. 161]. Их волшебники обращаются к земле с просьбой «дать им силу». Эту страну «турк-будун» («народ турк»), расположенную на священной земле, называли страной Тенгре [6, с. 38].

Несомненно, гунны и тюрки владели огромными территориями, но, несмотря на это, они ценили каждую пядь земли².

Эта традиция продолжается и в Казанском ханстве. Археограф Марсель Ахметзянов отмечает в своих работах, что выражение «Жир кәсе» (задерненная земля) до сих пор сохраняется в татарских поверьях и приметах [8, с. 72-73]. Клянясь землей, говорят: «жир йотсын» (чтоб сквозь землю провалиться), жир упсын» (чтоб земля разверзлась). Отправляясь в дальний путь, берут с собой горсть родной земли, чтобы к ней же вернуться живым и здоровым. Задерненная земля на древних русских миниатюрах, видимо, тоже привезена из родных мест. Следовательно, эта очень серьезная клятва – клятва самым святым – родной землей, независимостью родины, она и составляет основу этой клятвы. Две или три пары сабель, возможно, обозначают число договаривающихся. Почитание оружия, клятва оружием – также широко распространенное явление с древних времен. Особенно это касается сабель.

В древнетюркских источниках сохранилась поговорка: «пусть она войдет голубым, а выйдет красным (цветом)». Чтобы предотвратить нарушение клятвы, так говорили при клятве на саблях. Великий тюркский филолог Махмуд Кашгари так толкует в своем словаре (1072–74 г.) смысл этой поговорки: «Когда киргизу, ябаку, кипчаку или любому человеку дают выпить клятвенный напиток, перед ним левой стороной кладут саблю и говорят: пусть она войдет голубым, а выйдет красным, то есть обогранным кровью. Если нарушено обещание, то пусть металл тебе отомстит, убьет, покарает тебя» [9, т. 1, с. 342]. То, что болгары считали оружие чем-то святым, видно и из записок секретаря багдадского по-

сольства в Волжскую Болгарию 922 г. Ахмеда ибн Фадлана. Он пишет, что болгары, справляя нужду, клали свое оружие как можно дальше от этого места [10, с. 138]. У татар был запрет перешагивать через оружие. Видимо, это отголосок взглядов тех времен.

Традиция украшать красивыми изречениями изысканную посуду берет начало еще с древнетюркских времен. Во все времена такая изысканная посуда с красивыми украшениями являлась ценным подарком по случаю важных событий в жизни человека, она использовалась в различных ритуалах [11, с. 234].

В последующем, в средние века, особенно на Востоке внимание к красивой посуде было очень велико. Красивая, с содержательной надписью, золотая или серебряная посуда стоила очень больших денег. Среди подарков, отправленных главам государств, самым ценным и почетным подарком была именно такая посуда. То, что между Джучиевым Улусом и Египтом происходил постоянный обмен многочисленными подарками, факт известный. И тут посуда занимала одно из видных мест. Эта посуда имела важное значение при проведении самых значительных мероприятий: при официально-религиозных обрядах, на приемах послов, при налаживании новых родственных связей, при обряде очищения от грехов, при произнесении клятвы. Таким образом, посуда была необходимым атрибутом ритуальных и обрядовых собраний. Это наблюдается и при приеме багдадского посла в Болгарию [10, с. 138]. Троекратное произнесение тоста эмиром Альмшем, содержание тостов, поднятие бокалов с напитками – все это подчеркивало символическую традиционность, ритуальность происходящего межджиса.

Тюрко-татары также скрепляли важные переговоры выпивкой напитка из дорогой посуды. Здесь следует сказать о многочисленных кипчакских изваяниях, которые бережно держат в своих руках на уровне пояса нечто святое, какую-то чашу. Такие статуи с чашами были широко распространены в VI–VII вв. на Алтае, в Монголии, Туве и в пограничных с ними областях. Среди древних статуй, стел встречаются очень близкие по идее клятвенного соглашения периода Казанского ханства. Вот, например, одна из таких каменных статуй. Она изображает очень серьезного вида мужчину, держащего в руках рюмку с широким горлышком.левой рукой человек крепко сжимает рукоятку сабли, прикрепленной к его поясу, будто этот человек, сжимая в руках саблю, произносит над поднесенной ко рту рюмкой клятвенные слова [12, с. 89, рис. 62]. Подобные статуи широко распространены среди половецких изваяний [13, табл. 1–83].

Не зря до сих пор на татарском языке есть выражение «ант эчү» (буквально: «выпить клятву»), зафиксированное еще в латинско-персидско-половецком и половецко-немецком словаре «Codex comanicus» [14], созданном в Венеции 1303 г. В золотоордынской поэме Кутба «Хосров и Ширин»

² С этой точки зрения показателен случай времен шаньюя Модэ (209–174 до н.э.). Соседи гуннов, желая воспользоваться их внутренними распрями, потребовали отдать им самое ценное – удивительной красоты лошадь и любимую жену Модэ. Аксакалы были против этого, но Модэ сказал: «К чему, живя с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них и одну женщину?» и отдал их соседям. Прошло некоторое время и те же соседи – монгольское племя дун-ху – вновь обратились к Модэ со своими требованиями. На этот раз им нужен был небольшой клочок заброшенной, ни к чему не пригодной земли. Аксакалы не возражали против того, чтобы отдать эту плохую землю. Но Модэ в чрезвычайном гневе сказал: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?!» [1, с. 53].

(1342 г.) есть строка о питье клятвы с целованием земли [15, с. 59]. В татарском произведении XV–XVI вв. «Дастан Бабахан» Сайади есть такие строки: «Отдан шахам этот клятвенный ширбет» [16, с. 262]. Несомненно, в чашах времен соглашения между Казанью и Москвой тоже клятвенный ширбет. Однако точно неизвестно, какой именно это был напиток. С.А. Плетнева, ссылаясь на путешественника Петахья Регенбургского [17], пишет, что при ритуале побратимства или при скреплении дружбы тюрки пили напиток из смеси молока и крови. В дастане «Идегей» тоже говорится о питье клятвенного напитка из «белого молока с каплей крови» [18].

В вышеприведенных русских миниатюрах нарисован процесс шертования, на основе которого составились шертные грамоты. Шертные грамоты (*шерть*, *шарт* – от арабо-персидского слова *условие, соглашение*), шартнаме – договор, соглашение, одно из наименований международных договоров. Впервые введены в государствах Ближнего и Среднего Востока. Широкое распространение получили в татарских ханствах. Наибольшее число известных шертных грамот заключено между татарскими ханами и русскими великими князьями (царями). Шертные грамоты существовали до начала XVIII в.

Таким образом, в тюрко-татарском мире со времен хунно-гуннов существовал веками отработанный ритуал заключения межгосударственных договоров. Главной целью их было достижение действенности и долговременности принятых межгосударственных договоров.

Литература:

1. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1-2. Т. 2.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М., 1962; Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1962; Т. 4. Новгородские и Псковские летописи. – СПб., 1848.
3. Татар халык мәкальләре/Кереш сүз һәм аңлатмалар белән жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт: 3 томда. – Казан: Таткитнәшр, 1959-1967.
4. Кол Гали. Кыйссаи Йусуф. Йосыф турында кыйсса. – Казан: Таткитнәшр, 1983. – 543 с.
5. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – М.: Изд-во МГУ, 1944. – 215 с.
6. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
7. Симокатта Феофилакт. История. Перевод С.П. Кондратьева. – М., 1957. – 224 с.
8. Әхмәтжанов М.И. Нәрсә ул «жир кәсе» // Татарстан. – 1992. – № 7-8. – С. 72-73.
9. Кошгари Махмуд. Девону лугатит турк: В 3-х т. – Ташкент, 1960-1963.
10. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статжи, переводы и комментарий / Отв. Ред. Б.А. Шрамко. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1956. – 348 с.
11. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). – Казань: Таткитнәшр, 2004. – 431 с.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: «Искусство», 1976. – 224 с.
13. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1974.–Вып. 142. – 200 с.
14. Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus.– SPb., 1887Codex cumanicus. – SPB, 1887.
15. Котб. Хөсрәү вә Шириң (шигъри роман).– Казан: Мәгариф, 2003. – 367 с.
16. Борынгы татар әдәбияты.– Казан: Таткитнәшр., 1963. – 580 с.
17. Три еврейских путешественника XI–XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахия Регенбургский. Еврейский текст с русским переводом / Пер., прим. и карты П. Марголина. СПб., 1881. – 72 с.
18. Идегей: Татар халык дастаны. – Казан: Таткитнәшр., 1994. – 255 с.

Oath, Contract, Shert-Taking in Interstate Relations of Turkic Tatars

G.M. Davletshin

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with various sources describing rituals of making interstate (China, Muscovia) agreements of Turkic Tatars in the form of oath, aphorism, spell. The author comes to the conclusion that they existed almost without changes during long historical time, from the period of Huns till post-Golden Horde states inclusively. Thus contracting parties tried to achieve validity and sustainability of interstate agreements.

Key words: oath, land, agreement, contract, Russian, Bulgarian, ware.